

Тун Цинхэ вынашивал альфу, мальчика. Еще не очень большой, он уже очень активно шевелился в животе, из-за чего у Тун Цинхэ были особенно сильные реакции на беременность.

К пятому, почти шестому месяцу, Тун Цинхэ особенно сильно мучила тошнота, и его округлившееся лицо, казалось, даже похудело. Глаза были влажными и блестящими. Явной отечности рук и ног не наблюдалось. Ребенок впитывал много питательных веществ, и живот рос быстро. На контрасте его конечности выглядели до боли худыми. Тетушка, глядя на него, беспокоилась, что он не выдержит веса живота.

Тун Цинхэ, как непосредственный участник событий, был намного спокойнее сторонних наблюдателей. Хотя вынашивание ребенка, действительно, доставляло ему дискомфорт, стоило ему увидеть обеспокоенное выражение лица кого-то рядом, он сам начинал утешать других, прежде чем они успевали утешить его:

— Все в порядке, все в порядке. Мне не больно.

Тун Цинхэ, поддерживая живот, медленно спустился вниз. Аппетит у него был отменный, он съел на полторы порции больше обычного за двоих. То, что не усваивалось им самим, шло на пользу ребенку.

Именно на этом этапе у Цзян Шаочжи появилось свое мнение о еще не родившемся ребенке. Потому что ребенок слишком изводил Тун Цинхэ. Еще не родившись, он уже захватил все питательные вещества. Цзян Шаочжи, видя, как похудело лицо Тун Цинхэ, был очень недоволен.

Когда Цзян Шаочжи был доволен, это было не слишком заметно, но когда он был недоволен, атмосферное давление падало до предела. Все, кто находился рядом, попадали под воздействие этого невидимого давления и инстинктивно уходили подальше. Только Тун Цинхэ осмеливался приблизиться и заговорить с ним.

Посреди ночи Цзян Шаочжи возвращался в кабинет. В последнее время сон Тун Цинхэ был очень чутким. Днем он был сонным и легко дремал, а ночью легко бодрствовал. Это время обычно совпадало с возвращением Цзян Шаочжи из кабинета на отдых. Он сам выбирался из кровати, но Цзян Шаочжи, собиравшийся в ванную, поворачивался, чтобы сначала обнять его, а затем поцеловать.

— Выспался?

Грубые подушечки пальцев Альфы почесывали его веки. Тун Цинхэ рассмеялся от щекотки и тут же схватил его за руку:

— Давно не видел, чтобы Дядя мог хорошо отдохнуть.

Он обнял Цзян Шаочжи, наслаждаясь моментом нежности: — Иди сначала прими душ.

Когда Цзян Шаочжи вошел в ванную, Тун Цинхэ слегка похлопал себя по животу. Он говорил слова порицания, но по тону было понятно, что у него очень мягкий характер, который никого не может напугать.

— Опять пинаешь папин живот, будь хорошим.

Его мягкий характер приучил ребенка в животе к озорству и активности. Он совершенно не боялся ласкового голоса Тун Цинхэ.

Вскоре после того, как Тун Цинхэ закончил говорить, ребенок ответил еще более сильными толчками. Он ласково уговаривал ребенка, но живот продолжал двигаться. Цзян Шаочжи открыл дверь, его взгляд был прикован к животу Тун Цинхэ. Он положил ладонь на живот и погладил:

— Не беспокой своего папу.

Ребенок чудесным образом прекратил всю активность. Тун Цинхэ с огорченным лицом сказал:

— Баобао меня не слушает.

Стоило Цзян Шаочжи прикоснуться, как он тут же затихал.

Цзян Шаочжи посадил Тун Цинхэ себе на колени, его ладонь оставалась на животе, давая ребенку внутри небольшое предупреждение.

— Будешь строже с ним, тогда он будет слушаться.

Тун Цинхэ, казалось, что-то понял, но его характер был таков, что он ни с кем не мог быть строгим и устрашающим. В будущем он будет любящим отцом, а строгим отцом будет Цзян Шаочжи.

Они легли рядом. Тун Цинхэ уже закрывал глаза, когда Цзян Шаочжи взял его ладонь в свою:

— Почему не спится?

Тун Цинхэ причмокнул, что-то скрывая.

Цзян Шаочжи опустил глаза и поцеловал его в кончик носа: — Баобао.

Он позвал его тихо и глубоко, и у Тун Цинхэ смягчились мочки ушей. Он честно признался:

— Я хочу чего-нибудь поесть.

Тун Цинхэ назвал вид закуски, которую Цзян Шаочжи обычно не разрешал ему есть. Как и любой взрослый, который не хочет, чтобы его ребенок ел слишком много закусок. Цзян Шаочжи не нравилось это, и Тун Цинхэ собирался потерпеть и уснуть, не сказав ничего. К сожалению, что-либо скрывать от Цзян Шаочжи было очень трудно.

Где ему посреди ночи купить эту закуску? Цзян Шаочжи сказал:

— Я пойду куплю.

Увидев, что он действительно собирается уходить, Тун Цинхэ поспешно схватил его:

— Это просто минутное желание, просто хотелось немного пожевать что-то.

Цзян Шаочжи действительно собирался пойти и купить ему. Он оделся. Водитель уже спал, поэтому он взял ключи от машины и собрался ехать сам.

Когда он почти дошел до двери, Тун Цинхэ, поддерживая свой неуклюжий живот, спустился в гостиную:

— Не уходи так поздно.

Днем он сам мог спать, а у Цзян Шаочжи не было свободного времени, чтобы поспать с ним.

Глаза Цзян Шаочжи дернулись, когда он увидел, как Тун Цинхэ поспешно спустился. Он подошел, обнял его:

— Зачем вышел?

Тун Цинхэ опустил голову, прижался к Цзян Шаочжи и не хотел уходить:

— Уже поздно, не выходи.

Услышав сдержанный, едва слышный вздох своего Альфы, Тун Цинхэ был унесен Цзян Шаочжи обратно в спальню:

— Тогда спи.

На этот раз Тун Цинхэ не посмел даже думать о чем-то другом. Он быстро закрыл глаза и стал ждать сна, боясь, что из-за его внезапного желания Цзян Шаочжи придется отправляться куда-то посреди ночи.

Сон был темным, но окутанным манящим ароматом. Тун Цинхэ облизнул губы. Он смутно услышал, как Цзян Шаочжи тихонько и коротко рассмеялся у его уха.

На следующее утро Тун Цинхэ, поддерживая живот, встал, надел тапочки и приготовился идти умываться. Его взгляд остановился на пакете на столе. Внутри лежала та самая закуска, о которой он бормотал прошлой ночью, желая пожевать что-то.

Он в недоумении потрогал пакет. Он был еще теплый. Вероятно, Цзян Шаочжи только что принес его, и Тун Цинхэ не знал, как рано тот проснулся, чтобы сходить за покупками.

Он пошел искать его в умывальную комнату. Открыв дверь, он увидел Цзян Шаочжи, который брился перед зеркалом. Глаза Тун Цинхэ наполнились теплом. Он подошел, полностью раскинул руки и надутым голосом упрекнул:

— Дядя не послушался.

Выпуклый живот Тун Цинхэ упирался в спину Цзян Шаочжи. Цзян Шаочжи погладил его. К счастью, ребенок не буянил с утра.

— Ты хотел, — тон Цзян Шаочжи был ровным. Делать такие вещи для Тун Цинхэ для него не было утомительным. Раньше, когда он уходил на задания, разлука могла длиться от двух месяцев. По сравнению с муками тоски, забота о беременном муже была обязанностью и ответственностью Цзян Шаочжи как мужа.

Если бы Альфа мог забеременеть, Цзян Шаочжи хотел бы взять на себя эти страдания и муки Тун Цинхэ.

Позже Тун Цинхэ, насладившись моментом, съел закуску, но потом пошел в ванную, чтобы ее вырвать. Цзян Шаочжи нахмурил свое суровое лицо, и это зрелище сразу же облегчило Тун Цинхэ небольшой дискомфорт в теле.

Он позволил Цзян Шаочжи поднять его после рвоты, чтобы прополоскать рот и умыться. Все это Цзян Шаочжи делал сам, не позволяя никому вмешиваться. На раковине лежало мягкое одеяло, Тун Цинхэ сидел на нем, болтая ногами, которые опирались на колени Цзян Шаочжи. Он положил руку на плечо Цзян Шаочжи и торжественно поцеловал его в лоб:

— Дядя, не хмурься, а то состаришься и будешь вот таким.

Цзян Шаочжи без выражения убрал его руки, которые пытались размять его лицо. После того,

как вытер его горячим полотенцем, он поцеловал его.

— Я буду любить тебя и старым.

<http://bllate.org/book/4/169>